

написано студентами 1940–50-х годов для узкого круга товарищей. Если в изданных фельетонах и памфлетах авторы создают обобщенные образы (Гриня Гулькин, Тишкин и др.) и смеются над пороками студентов, то в личных записках персонажи индивидуализированы, конкретны. Поводом для смеха становятся в каждом случае разные и абсолютно определенные черты конкретного человека.

Список литературы

Архив музея истории Уральского университета, личное дело Л.А. Гладковской.

Достовалова П.Д. Литературное объединение Уральского университета 1930-х гг. и творчество Владислава Занадворова / П.Д. Достовалова // Литература Урала: история и современность. – Вып. 5 : Национальные образы мира в региональной проекции. – Екатеринбург, 2010. – С. 362-370.

Достовалова П.Д. Литературное объединение Уральского Государственного университета в 1940-е гг. / П.Д. Достовалова // Литература Урала: история и современность. – Вып. 6 : Историко-литературный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. – Екатеринбург, 2011. – С. 391-398.

Леонов Ю. А вы Тишкина знаете? / Ю. Леонов // Сталинец. – 1955. – 17 декабря.

Овчаренко Ф. Гриня Гулькин – журналист / Ф. Овчаренко // Уральский университет. 1956. 6 мая.

ПОВЕСТЬ И.А. БУНИНА «СУХОДОЛ» В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЮ КРИТИКОВ

А.В. Кавунова

*Научный руководитель: Н.В. Працгерук,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

И.А. Бунин начал писать повесть «Суходол» летом 1911 года в имении Васильевском Орловской губернии, принадлежащем двоюродной сестре писателя С.Н. Пушешниковой. Бунин сообщил корреспонденту газеты «Московская весть» (1911, № 3, 12 сентября), что им написана первая часть большой повести-романа под заглавием «Суходол». Работу над ней писатель завершил в декабре 1911 года, во время своего пребывания в Италии, на Капри.

Впервые «Суходол» был опубликован в журнале «Вестник Европы» в апреле 1912 года.

Новая повесть И.А. Бунина закрепила успех, достигнутый «Деревней», и вызвала новую волну критических откликов. Реакция на это произведение была неоднородной, однако в целом отзывы были положительными. Есть свидетельства, что «Суходол» очень понравился М.А. Горькому, а присутствующий при чтении рукописи М.М. Коцюбинский сравнил произведение И.А. Бунина со «старинным

гобеленом» [Бабореко 1967: 170].

В газете «Русские ведомости» (СПб., 1912, № 248, 27 октября) в статье «Певец «Суходола» Л. Козловский указывает на безотрадность картины, нарисованной писателем: «Таким мрачным рисуется писателю прошлое помещичьей усадьбы, она несла в себе зародыш смерти, и внешние события лишь ускорили ее разложение. Но, разлагаясь, она отравила и окружающую жизнь... Отечественная война, освобождение крестьян, революция, – все это прошло без следа в жизни крестьянина... Грязная, голодная, проеденная до костей болезнями, заеденная вшами, – вот она, та Русь, которую, выходя из села, выглядел певец “Суходола”» [цит. по: Мясников, Михайлов, Бабореко, Смирнин 1966: 477].

В «Вестнике Европы» (1912, № 11, ноябрь) была помещена статья С. Адрианова «Критические наброски», в которой автор рассматривает повесть И.А. Бунина расширительно, вкуче с другими рассказами, как обобщающее произведение о России, о деревне.

Адрианов пишет о том, что Бунин в повести «Суходол» подтверждает «безотрадную характеристику русской деревни», а к этой характеристике прибавляет еще и окончательное отречение от всякого «обольщения стариною» дворянского крепостного быта. Писатель в «Суходоле» ясно дает понять, что речь в его произведении идет не о случайном, вырождающемся роде, а о русском дворянстве вообще, обо всех «старых барских гнездах» [Адрианов 1912: 348].

С. Адрианов считает, что «в грозном, всесокрушающем вырождении готов Бунин видеть ключ к пониманию всей современной русской действительности, и деревенской, и интеллигентской. Такова безутешная картина, которую рисует в последних своих произведениях Бунин, достигая именно в них наибольшего художественного мастерства» [Адрианов 1912: 349]. Автор статьи отмечает «поразительный контраст с той идеализацией русского мужика», которую можно найти в «Записках охотника» Тургенева: «Быть может, историческая закономерность сказалась на этих двух полюсах: реалистическая реакция против идеализации доброго старого времени должна была дойти до своего завершения, увлечение светлыми тонами должно было быть искупленным не меньшим увлечением черными пятнами. Если это так, то Бунин довел этот процесс до предела» [Адрианов 1912: 349].

В журнале «Современный мир» (1912, № 11, ноябрь) Вл. Кранихфельд в статье «Литературные отклики. И.А. Бунин», отмечает, что писатель в повести «Суходол» «обобщил прошлое и воздвиг ему великолепный, с поразительным мастерством выполненный памятник» [Кранихфельд 1912: 348].

По его словам, «Суходол – это разоренная усадьба с большим и далеко не веселым прошлым. Обитатели его гибли, разбежались. Но как ни

тяжела была жизнь в Суходоле, разбежавшиеся из него страдали какой-то болезненной привязанностью к нему» [Кранихфельд 1912: 348].

Исследователь также говорит о силе преданий, которая «тесно связана со степенью устойчивости и благоустройства «своего угла», в котором, как в живом музее, эти предания собираются и бережно передаются от одного поколения к другому» [Кранихфельд 1912: 349].

Гр.С. Петров в статье «Суходолия», помещенной в журнале «Кругозор» (1913, № 2, февраль), отмечает, что «Бунин как художник проявил в «Суходоле» силу и чистоту таланта, превосходящие все прежде им написанное. Повесть чисто бытовая, «Суходол» местами обращается в яркий и громадный символ: из-за помещицкой усадьбы Хрущевых вдруг выступает вся Россия, проглядывает лицо всего русского народа» [Цит. по: Бабореко 1987: 622].

В «Современнике» (1913, № 3, март) была опубликована статья Р. Григорьева «Новые книги. И.А. Бунин. Суходол и др. рассказы 1912 года». Григорьев пишет о том, что Бунин – писатель, который говорит, что «усадьбы Лариных – мифы, что вместо ароматных лип и свежих роз был тяжелый, мрачный Суходол, такой страшный, безумный, с кровавыми преданиями, жестокостью, нелепостью...» [Григорьев 1913: 326].

«Старые барские гнезда, которые казались нам поэтическими памятниками отмирающей культуры», Бунин в повести представляет в необычном, отвратительно-отталкивающем виде. По словам Григорьева, развернув картину дикой, невозможной жизни Суходола, Бунин взял под сомнение даже право дворянства «считать себя особым сословием, носителем особой культуры». Автор «Суходола» рисует картину оскудения и смерти, рисует и «души вырождающихся суходольцев, их фамильное безумие и стремительный уклон к увяданию...» [Григорьев 1913: 326].

И.А. Бунин, отмечает Григорьев, хочет «резвыми глазами» взглянуть на Суходол. Он никого не щадит, ничего не замалчивает. Бунин сильно и ярко запечатлевает целую эпоху, показывает «жизнь такой, какой она была, безо всяких предвзятостей и прикрас» [Григорьев 1913: 326].

Но Григорьев также говорит о том, что сквозь суровую правдивость повествования, «меж горьких строк о мерзости дворянского запустения, проглядывает скорбный лик поэта, как бы грустящий по этому увядшему кошмару, как бы вздыхающий по умершей жуткой душе Суходола» [Григорьев 1913: 326]. Кровная связь с изображаемым бытом не могла не сказаться на повествовании художника: «все время чувствуются какие-то незримые нити не то симпатии, не то жалости или грусти, протянутые от автора к Суходолу» [Григорьев 1913: 326].

Изучая повесть «Суходол», критики пришли к выводу, что Бунин пишет о жизни, которая канула в вечность. Они обращали писателя в

прошлое, полагая, что он следовал за Тургеневым в своем мастерстве пейзажиста, и не постигали его как художника. Бунина рассматривали в диахронии, старались вписать «Суходол» в сложившуюся литературную традицию.

В журнале «Вестник Европы» (1914, № 5, май) была помещена статья Е. Колтоновской «Бунин, как художник-повествователь». Она, так же как и многие современники писателя, считает, что генеалогию творчества И.А. Бунина следует вести от И.С. Тургенева. Несмотря на это, Колтоновская отмечает, что Бунин воспринимал от позднейших литературных течений необычайную колоритность языка и капризную прихотливость узора. «Иногда случается, что после детальных громоздко-реалистических описаний и утомляющего монотонного рассказа, Бунин, вдруг, с чисто новою нервностью захватит каким-нибудь неожиданным образом, капризным оборотом» [Колтоновская 1914: 329].

Е. Колтоновская сравнивает Бунина с «его символическими российскими гражданами – суходольцами» [Колтоновская 1914: 330]. Так же, как и они, писатель испытывает в отношении своих «родных мест» сложные чувства: с одной стороны, «родное гнездо, Суходол – тина, и страшно, как бы не засосал он», с другой стороны – невозможно представить себя «вне этого ненавистного и любимого Суходола» [Колтоновская 1914: 330].

В «Суходоле» особенно резко оттенена мысль о власти прошлого, связи с ним настоящего и будущего.

Колтоновская называет Бунина «поэтом деревенского запустения», в «чудесной рамке» он разворачивает «поэму запустения» [Колтоновская 1914: 338]. Исследовательница отмечает, что у повести «Суходол» душа нежная, лирическая, в отличие от «Деревни». В отрицании к русским корням, в «отыскании того таинственного бацилла», который отравляет славянскую психику, Бунин идет еще дальше, чем в «Деревне». «Но, – пишет Колтоновская, – этот разрушительный анализ смягчается общим поэтическим колоритом и явно прорывающеюся везде любовью автора к тому, что он описывает» [Колтоновская 1914: 338]. Ведь речь идет об очень близком для писателя – о помещичьем прошлом, «о родной старине». Но есть большой вопрос – можно ли эту старину назвать помещичьей? «Суходол это какая-то странная мистическая деревня, полу-мужичья, полу-барская деревня, общая родина, общее наследство». Суходол для Бунина – «символ Руси» [Колтоновская 1914: 338].

По словам автора статьи, во всех трепетных рассказах-воспоминаниях о суходольском прошлом чувствуется хрупкая, «декадентская» красота.

Колтоновская выдвигает продуктивную мысль о том, что этот страшный Суходол для Бунина «как бы символ нашей общей славяно-русской никудышности, непригодности к жизни. Он и копаются в

суходольской старине, чтобы открыть наши корни, первооснову для души народной» [Колтоновская 1914: 339]. «Суходол» пронизан общенациональным пафосом. В каждой из характерных фигур, которые воскресают в рассказах бывшей крепостной Натальи, проглядываются черты «истинно-славянской души»: «Ум и неразумность, косность и неустойчивость; богатство и яркость отдельных переживаний и общая основная бледность и холодность чувств, бледность темперамента» [Колтоновская 1914: 340]. Автор статьи отмечает, что «Суходол» показывает, как глубоко захвачен он основной темой своего творчества. «Он всецело во власти своей «натуры» – русского» [Колтоновская 1914: 340]. Все случайное в его творчестве отошло, и «он сосредоточился на одном, основном – на изображении русского человека, вернее – на отыскании тех корней, которые объясняют и обуславливают современный его облик» [Колтоновская 1914: 340].

По мнению Е. Колтоновской, в повести дана колоритная картина разрушения и обнищания таинственной деревни. Но для Бунина дело не в разложении («Ведь распаду подвержено все живое»), писателя пугает свойства той «материи», из которой мы все возникли. В Суходоле, пишет Колтоновская, таится какая-то враждебная сила, отравляющая своим ядом, делающая человека непригодным для жизни.

Она отмечает, что «Суходол», «насквозь русская повесть» написана Буниным тонко, ярко, выразительно: «реалистическая простота в ней сочетается с одухотворенностью, иногда отдающей настоящим символизмом». Суходол конкретный, видимый, колоритно обрисованный, тесно переливается и сливается с Суходолом абстрактным, символическим. Кажущаяся внешняя нестройность повествования вполне логична и художественно оправданна, «вполне соответствует той форме полубредовых воспоминаний наследника Суходола, в которую отлилось ее содержание» [Колтоновская 1914: 340].

Исследовательница считает, что «Суходол» так «лиричен, так глубоко пропитан интенсивными авторскими настроениями, что к нему гораздо больше подходит название поэмы, чем повести» [Колтоновская 1914: 340]. Бунин теоретически всегда оставался верен реализму и не искал для себя путей вне его. «Теснейшие узы соединяют его со старыми “бытовыми” писателями. Но собственная писательская природа побуждала его, незаметно для себя, впитывать многое из новых веяний; характеру его субъективного, подвижного дарования мало соответствовали прежние рамки» [Колтоновская 1914: 341]. У Бунина, пишет она, «постепенно реалистические приемы сильно преобразились. Само понятие реализма можно применять теперь в отношении к Бунину только с оговорками. В своем реализме он является в большей степени импрессионистом» [Колтоновская 1914: 341].

В статье Е. Колтоновская отмечает новое качество письма И.А. Бунина, находит в нем модернистские черты. Однако, мнение о том, что автор «Суходола» «является в большей степени импрессионистом», можно оспорить. Импрессионизм не предполагает навязчивого, подчеркнутого возвращения к одним и тем же темам, в то время как Бунин постоянно обращается к проблемам русского национального характера, ищет его корни, старается объяснить душу русского человека.

Список литературы

- Адрианов С.* Критические наброски / С. Адрианов // Вестник Европы. – 1912. – № 11. – С. 248-349.
- Бабореко А.* И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917) / А. Бабореко. – М. : Художественная литература, 1967. – 170 с.
- Бабореко А.* Комментарии / А. Бабореко // Бунин И.А. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 3. – М., 1987. – С. 593-670.
- Григорьев Р.* Новые книги И.А. Бунина. «Суходол» и другие рассказы 1912 года / Р. Григорьев // Современник. – 1913. – № 3. – С. 325-326.
- Колтоновская Е.* Бунин, как художник-повествователь / Е. Колтоновская // Вестник Европы. – 1914. – № 5. – С. 327-241.
- Кранихфельд Вл.* Литературные отклики. И.А. Бунин. / Вл. Кранихфельд // Современный мир. – 1912. – № 11. – С. 348-349.
- Мясников А.С.* Комментарии / А.С. Мясников, О.Н. Михайлов, А.К. Бабореко, В.М. Смирнин // Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. – Т. 3. – М., 1966.

«ЖЖ» ПРОТИВ РОК-САМИЗДАТА (СТРУКТУРА И ПОЭТИКА ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛОВ)

О.А. Кузнецова

*Научный руководитель: Н.А. Рогачева,
кандидат филологических наук, доцент (ТюмГУ)*

Рок-поэзия – неотъемлемая часть художественной культуры XX века. Формы жизни рок-поэзии могут быть различными: андеграундными (как в случае с тюменским самиздатом), площадными (концерты, перформансы, чтения), книжными. Однако рок-текст не остается только «бумагизированным»: сегодня самиздат становится электронным. На данный момент рок-культура плотно обосновалась в сети Интернет. На форумах и в «ЖЖ» происходит общение рок-тусовки, музыканты делятся новостями, рассказывают «телеги» и т.д. Это напоминает самиздат-журналы, на страницах которых шло постоянное общение поэта и читателя, читателя и читателя, поэта и поэта. Главная проблема исследования заключается в подходе: как изучать, как оценивать рок-самиздат в Интернете? Может быть, в этом случае он перестает быть